

СОЦИАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ АРХЕТИПИЧЕСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ СОЗНАНИЯ

Анализ особенностей процесса феноменологизации мира позволяет определить *социальную рефлексию* как априорный – исторически и логически – предел возможностей коллективных способов освоения бытия. Феноменологизированная чувственная реальность вновь явленных свойств товара как продукта человеческой деятельности воссоздаёт исконное материальное единство человека и природной среды его бытия, выступает образом естественной коллективной организации существования человека. Как целостный природный организм он выступает архетипически образованной альтернативой искусственной, предельно формализованной, институциональной, властной системе отчуждённой социальной организации, административная анабиотичность и иерархическая низменность которой перманентно демонстрируется формально-государственным модусом вульгарной эксплуатации бессознательного.

Именно с началом освоения сущности власти как фиксированной фикции социальной значимости и государства как институализированной иерархии организации производственной эксплуатации собственности социальная рефлексия вступает в завершающий этап коллективного снятия отчуждения. Функции государства на этапе обобществления лишённой отчуждающих «частностей» собственности состоят в организации посредством реонтологизации индивидуальных творческих проявлений процессов реконструкции её содержательного, общественно значимого потенциала. Возвращение собственности её «соби» позволяет снять её излишнюю социальную оформленность и институциональный декор, в результате чего она сбрасывает вековые личины отчуждения и приобретает подлинно человеческое лицо.

Государство как господствующий модус институционально пребывающей социальной власти эволюционирует от формальной, надстоящей, подчиняющей, *сдерживающей* (от «*держ*ава») силы к содержательно рядоположенному каждому индивиду феномену. И если раньше социальность лишь оформляла себя властью, то теперь общество берёт на себя коллективную ответственность за содержание власти, которая посредством такого рода осодержанивания перестаёт быть враждебной ранее отчуждённому от неё человеку. Она начинает соответствовать своим исконным значениям: русскому «власть», «волость» - от словенского «собственность», «владение», «родина»¹, или украинскому «влада» - «в-ладнаты», «в-лад» – понимаемым как способ организации коллективной гармонии, порядка, в противовес устоявшемуся во времена предыстории мнению о государстве как мощной дубине, во всех смыслах этого слова. Таким образом, обобществлённое и коллективно освоенное государство реформируется, становится открытым индивидуальным содержанием и начинает взаимодействовать с ними, создавая предпосылки возврата бытию человека всей его априорной архетипической содержательности.

* © А.Г. Некита, Новгородский государственный университет, 2006.

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т.1. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. Б.А.Ларина. – 3-е изд., стер. – СПб.: Терра – Азбука, 1996. - С.344.

И теперь власть предстоит перед индивидом во всей своей непосредственности, созерцание которой открывает перед ним её подлинно отчуждённые основания, фиксирующие извечную предысторическую бессознательную капитуляцию человечества перед извращёнными фантомами, которые мнятся ему отвратительнейшим, мерзейшим Молохом, систематически пожирающим содержания сознания, и сформированы частью его же собственной непознанной натуры, чёрной кошкой в Темноте институализированной коллективной бессознательности социального пространства.

Таким образом, социальная рефлексия позволяет социуму завершить образование бессознательного как не только неотъемлемого спутника процессов освоения мира, но и имманентного качества сознания как такового. Так завершается подготовительный, преимущественно коллективный этап перехода к непосредственному, индивидуально-творческому общественному бытию, снимающий господствующие, государственно-гарантированные, властно-обеспеченные формы отчуждения и представляющий эволюцию феноменологизации архетипа Тени в развенчании формальности любых признаков социального прогресса в рамках предыстории.

Прогресс как единственно значимый, абстрактный, формальный показатель динамики социального пребывания развития в рамках предыстории заключается всего лишь в количественной, инфляционной по своему характеру интенсификации экономизированной «естественной необходимости», при полном отсутствии её качественного освоения. Поэтому социальный прогресс на этапе предыстории мог быть исключительно прогрессом отчуждения, а «частность» хаотически и спорадически возникающих элементов «свободы» детерминировала её лишь в статусе деструктивной «свободы «от» и «над», далёкой не только от подлинной, но даже от созидающей свободы «для» и «в». А единственной предысторической «заслугой» искусственного в своей основе и во всех проявлениях прогресса, с точки зрения автора, представляется состоявшееся доведение отчуждения до его логического, «капитального» завершения.

Итак, высвобождённая в результате снятия частной собственности и социально положенной ей институциональной, властно-государственной надстройки предметность мира образует общественные предпосылки существования личной собственности. Принципиальное признание обществом первичности созидающего предметность жизненного пространства индивидуального творчества, впервые за тысячелетия эскалации товарно-производственного отчуждения, позволяет раскрывать сущность индивидуального освоения мира.

Созидаемый предметный мир становится, с одной стороны, исходным материальным условием для укоренения, а с другой – духовной предпосылкой необратимости процессов сознательного освоения всего многообразия бессознательного архетипического опыта Жизни. И чем больше бессознательных содержаний удаётся опредметить человеку на протяжении жизни, тем глубже и мудрее предстаёт сознательно образуемый им мир, так как каждый из сотворённых человеком предметов несёт на себе отпечаток его личностного становления, в каждом из них он являет обществу себя. Таким образом, феноменологизирующий личную собственность индивид испытывает катарсический, экзистенциальный шок от явленных ему его же содержаний, сотворённых им предметов.

Предметное творчество как воплощение индивидуальных бессознательных содержаний несёт на себе архетипически предуготованную от-Тенённость, Тайны извечного взаимного вопрошания Материи и осваивающего её Сознания. «Материя» вновь созданного в сознании предмета ещё не явила ни своего родства с индивидом, ни любых иных признаков Жизни или Смерти, именно в силу того, что мера её общественного бытия не тождественна как мере индивидуального её освоения, так и мере личностного, экзистенциального, деятельного, онтологического вопрошания к ней, являя «мертвость» или «не-мертвость» образованного *мерой твоего* освоения или отчуждения мира.

В этой связи бессознательное, массовое, институционально патронируемое, отождествление с Тенью фактически означает индивидуальную и социальную «смерть». Для человека, отказавшегося видеть себя мерой бытия Мира, перестают существовать Свет и Святость. Отныне он для мира «помер», «померк», так как «померян» последней мерой и «при-мирён» с миром, с Жизнью и Смертью. Характерно, что известное латинское изречение «memento mori» - «помни о смерти» как раз предупреждает о необходимости соблюдения меры во всём, в том числе и в индивидуальном отчуждении от архетипических истоков своего бытия. Таким образом, мера сознательного освоения материи образует имаго снятия отчуждения Жизни и Нежизни, Материи и Духа, Материи и Сознания, полагаемого отныне в своём исконном качестве – естественного проводника и майевта сознания в сфере бессознательного.

Индивидуальное творчество до тех пор будет иметь в обществе официальный статус особой формы отчуждения, пока его содержание и смыслы не станут достоянием индивидуальных сознаний, пока длительное, кропотливое освоение не станет естественным способом осуществления человеческой свободы. Творческие, авторски оформленные содержания позволяют воспринимающим и осваивающим их людям совершенствовать личные бессознательные содержания как минимум до заданного произведением стартового уровня феноменологизации мира как искусства его личностного майевтирования.

Индивидуально-творческий диалог с бессознательным, приумножающий энергетический потенциал архетипа, осуществляется в процессе общественного признания значимости процедуры авторского проявления, оформления и развития исходных индивидуальных бессознательных содержаний, воплощённых в его

произведении. С точки зрения автора, лишь подобные ритуальные приобщения социума к непосредственности бытия архетипа в виде индивидуальных презентаций бессознательных содержаний, осуществляемые в лоне социально осваиваемых организационных нормативов, способны придать феномену творчества и феномену творца *значение* подлинного общественного достояния.

Опредмеченные и общественно организованные индивидуальные содержания только и образуются как непреходящие культурные смыслы бытия – *вечастные* и вневременные феномены – символы перманентного, естественного, творческого взаимодействия бессознательного и сознания, становясь для последнего ментором в мире логических противоположностей.

Таким образом, этап коллективного освоения архетипа Тени отражает, с одной стороны, переход от означивания социального пребывания как всего лишь «не-мёртвого», к освоению общественного бытия как «живого». Этот переход осуществляется посредством феноменологизации индивидом архетипических качеств, позволяющих, с другой стороны, осваивать Материю как один из возможных образов, являющих Жизнь. Вековая преесторическая, отчужденческая догма о «мёртвости» материи как нельзя явственно свидетельствует о том, что сам человек ещё недостаточно жив. Опасное, но в то же время подлинно нуминозное, деятельное путешествие не вдоль, а вглубь материи образует перед человеком не банальную ширь цивилизованно заплёванного горизонта, а невиданный, перманентно чреватый открытиями, Архетипический Космос.

Отныне мир, представавший ранее безличным «оно», является человеку одушевлённым, величественным, рядоположенным индивидуальному сознанию, другим «Я». Фактически происходит слияние чувств и знания, со-чувствия и со-знания, и теперь индивид чувствует, что он знает и знает, как он чувствует.

Итак, освоив в виде Тени «вторую» природу, человечество впервые коллективно возвращается в материнское лоно первой природы, витализируя архетип Матери, одухотворяющий сознание образом всепорождающего и всепереживающего Материнства. Именно на этом основании общество может с-родниться с природой, осуществляясь в дальнейшем при-родно, сознательно преобразуя из-у-родо-ванную отчуждённой социальностью при-родную непосредственность, во-самляясь в образе единого Человеческого Рода.

Одним из следствий чувственной витализации Родительства является воз-рождение семьи как первосреды становления сознания и общественного бытия, через поступательное освоение содержаний Архетипических родовых фигур, снимающее вековое отчуждение между институализированным официозом «бытия» и примитивной обыденностью «быта». Посредством явления образов Родительских архетипов маленькому сознанию наглядно (от рус. «наглядно» – укр. «нагляд», т.е. забота, опека) *показывается* первичная общественная, семейная технология освоения противоположности Материнского и Отцовского образов с последующей онтологизацией их общественной равнозначности. Необходимо особо подчеркнуть размеренность, естественность совпадающего с феноменологией архетипа характера семейного научения, а также его ритуальность, индивидуальную по содержанию и общественную по форме освоения, которая обеспечивает непрерывность индивидуального творчества и его общественной апробации, эволюционность поколенческого опыта Жизни, образующегося размеренностью приращения навыков семейно-мифического освоения мира.

Феноменологизация индивидуального сознания архетипом Тени и последующая его онтологизация родительскими архетипами Матери и Отца обеспечивает естественность коллективного исхода индивидов из лабиринтов логических противоположностей. Дальнейшее же совершенствование навыков ориентации в них осуществляется в ходе образовывания развивающегося сознания диалектикой парного архетипа Анимы-Анимуса, априорная общественная сущность которого являет человеку возможность самостоятельного, индивидуального творения нового при-родного, витального опыта.

Квинтэссенцией освоения содержаний Анимы-Анимуса на этапе перехода к эпохе положительного гуманизма являются общественное признание и последующая онтологизация Любви, прошедшей, на протяжении снятия отчуждения, путь от основного семейно-бытового «производственного отношения» до освящённого обществом образа личностного, интимно-эмоционального творчества, непосредственного само-осуществления, самобытия Жизни, символизирующего осознанность освоения обществом естественности бытия архетипа. В то же время образование и приращение собственно общественного опыта как совершенствование реальности деятельного коллективного взаимодействия, предусматривающего глобальные сознательные преобразования мира, осуществляется менторством архетипической пары Мудрого Старца-Мудрой Старухи.

Коллективное освоение диалектики взаимодействия сознания и бессознательного последовательно разворачивается на протяжении двух основных этапов, характеризующих специфику, с одной стороны, социально-рефлексивного принятия творческой сущности архетипов, а с другой – личностно-общественного способа их бытия. Первично бессознательные интерпретации того или иного архетипа, разворачивающиеся в образах освоения Матери, Отца, Анимы-Анимуса и Мудрого Старца-Мудрой Старухи, образуют меру индивидуальной и общественной свободы принятия архетипического покровительства становящимся сознанием. Следует отметить, что синкретичность этого этапа заключается в постепенном социальном обобщении индивидуальных способов интерпретации архетипа, ритуализации их сущностей, преобразуемых в социально значимые феномены, вдохновляющие общество на распространение и означивание итогов индивидуаль-

ного освоения как общечеловеческих ценностей, что и свидетельствует о принятии мифа в качестве единственного онтоментального основания бытия Сознания.

Мера освоенности бессознательного предполагает формирование некоторых новых специфических качеств сознания, заключающихся, по мнению автора, в его способности полагать Архетип в качестве сущностного, творческого, гармонического основания своего мифологического бытия. Подобный характер бытия сознания свидетельствует о его выходе на уровень самостного существования, осознанного мифобытия человека и общества, содержательно тождественного началу подлинной истории, марксовской эпохе «положительного гуманизма».

Развитие системы индивидуального освоения архетипа означает признание мифа единственным подлинно феноменологическим способом разворачивания Архетипа, сознания и Жизни. Во-самление сознания знаменует образование общества индивидуальных методологий непосредственного мифоментального бытия архетипа. Однако осознанный выбор мифа ментором индивидуальной и общественной майевтики архетипа менее всего походит на однолинейный возврат человечества к архаике, так как возрождение исходных имманентных архетипических смыслов возможно лишь при условии снятия отчуждения и создания нового общественного контекста, посредством лелеяния социальной рефлексией индивидуального сознания отныне бытийствующего только в лоне мифического обновления.

От извращённого социумом частностей ритуала, составляющего способ бытия мифа, до уровня «частных», отчуждённых, античеловечных, антиобщественных технологий в виде схем, рецептов, алгоритмов, инструкций, догм, законов, идеологий общество на этапе положительного гуманизма впервые переходит к подлинно человеческой технологии (от греч. *technē* – искусство, мастерство) как искусству бытия, к осознанной ритуализации Жизни, снимающей как механизмы биологической наследственности, так и законы социального наследования. Следует отметить, что отныне технология выступает индивидуальной манерой общения с бессознательным, семейной пропедевтикой будущего общественного и индивидуального творчества.

Таким образом, в «Экономико-философских рукописях 1844 года», а потом и в последующих теоретических работах Маркса и Энгельса, эпохе «*предыстории*» как «*царству естественной необходимости*» с присущей ему диктатурой производства – *бессознательного имагостазного* «обмена веществ» между природой и человеком, противопоставляется «*истинное царство свободы*», *сознательно* освоившее отчуждённое товарное производство настолько, что, наконец, в состоянии полностью обходиться без него.

Эти два царства исторически опосредованы промежуточным, в рамках которого производство всё ещё существует, постепенно осваиваемое индивидами в коллективных формах социальной рефлексии. Свобода, Сознание и Архетип здесь еще находятся в рамках необходимости, но уже не «естественной», а осознанной, граничащей с подлинной свободой. Протяженность эпохи коллективного освоения и снятия отчуждения частной собственности, представленной бессознательно и массово погранными содержаниями архетипа Тени, фактически детерминирована мерой, с одной стороны, произвола «при-частности» того или иного поколения к отчуждённому социальному опыту предшественников, а с другой – коллективно организуемой индивидуальной готовности к сознательному самоосуществлению как единственной реальной предпосылке подлинно гуманистических, глобальных общественных пре-образований на основе феноменологии архетипа.